Ольга Алтунина

Счастье в рассрочку

18+

Ольга Алтунина

Счастье в рассрочку

«Автор»
2026

Алтунина О.

Счастье в рассрочку / О. Алтунина — «Автор», 2026

Американская рок-группа приезжает в Россию в надежде на грандиозный тур, но их планы меняет случайное знакомство. Менеджер нанимает русскую переводчицу, чтобы помочь музыкантам адаптироваться в чужой стране. Однако для лидера группы, автора хитов и кумира миллионов, эта встреча становится не просто рабочим контактом.Тур по России — это не только концерты и овации. Это проверка на прочность: как сохранить любовь, когда вокруг столько соблазнов? Как повзрослеть, если ты привык быть вечным подростком? И можно ли доверять тому, чья жизнь — это шоу? Роман о музыке, которая связывает сердца, и о проблемах, которые скрываются за кулисами славы.

© Алтунина О., 2026
© Автор, 2026

Ольга Алтунина
Счастье в рассрочку

Глава 1

Видишь вон ту девушку? Даже не поворачивается язык назвать её девушкой. Но ей есть восемнадцать, так что всё по закону. Да, ту, что сейчас вышла из уборной и идёт сюда, поправляя бордовую кофточку. Весь вечер она теребит свои русые волосы, пытаясь заплести их в косу, да выглядеть невозмутимой. Но я-то знаю, что невозможно сохранять спокойствие, когда находишься рядом с рок-звездой. А я – именно такой. Чёртова рок-звезда, пусть и не мирового масштаба. ПОКА не мирового, понятно? А эта девчонка – самая любимая ошибка, что мне ещё предстоит совершить. Но давай всё по порядку.

Позволь представиться, Фокс. Да-да, звучит, как лис. Пишется так же. Не подумай, я не рыжий. У этого псевдонима есть своя история, которая, как и настоящее имя, рано или поздно откроется тебе. На самом деле мне нельзя этого делать, как и сидящим со мной за одним столиком балбесам. У нас контракт, всё по-взрослому, если не считать нас самих. Так что слушай и не перебивай, ясно?

Что это, Тейлор Свифт? О да, это «Blank Space». При первых же звуках этой песни я заорал её слова, а парни меня поддержали. Это личное, эдакая шутка для своих. Пару лет назад про нашу группу ещё никто не знал. Нас звали только на домашние вечеринки или жалкий разогрев не менее жалких групп на уже совсем жалких местных фестивалях. И тогда мы пели что угодно, кроме своих песен. Эта – в их числе. Странно, что такую музыку ставят в барах, но я уже ничему здесь не удивляюсь. Я в России, детка! В этой стране всё по-другому! Это я понял сразу, как только мои лёгкие наполнились холодным воздухом на выходе из аэропорта Санкт-Петербурга.

О, слышите этот сладкий голосок? Это Джейк. Белобрысый красавчик, как всегда, перетягивает на себя одеяло, когда все остальные хотят просто отдохнуть. Признаю, у него крутой голос. Фактически он – единственный поющий вокалист в Iron Blackbirds. Да, группа состоит из четырёх вокалистов и барабанщика, но поёт только Джейк. Реп, скрим, гроул и отличный музыкальный вкус – это не про Джейка, а про нас с Крисом и Джорданом. Парень, прости, но это так. Ты поёшь, мы орём и зачитываем, а Алан задаёт получившемуся хаосу ритм. Добавляем к этому безобразию ещё две электрогитары и бас – вот как мы звучим. К каким только жанрам нашу музыку не причисляют, но я склонен это всё называть эклектикой. Мне нравится это слово, звучит умно. А вообще, это рок. Но это и так понятно, верно?

Я разгорячён. Дело не в паре порций виски, уже всасывающихся в мою кровь, – сколько уже было выпито до этого. Моя причина в поводе для пьянки: концерт прошёл на ура. Никогда не знаешь, как тебя примут в новом городе. А тут всё для нас в новинку: это первый европейский тур «дроздов». Мы вышли на сцену, словно прыгнули в бездну неизвестности, и этот омут поглотил нас с головой. Менеджер группы говорил, что билеты продаются хорошо, но никто не ожидал, чтобы настолько... «Спасибо» – единственное слово, на которое меня хватило в самом конце. Нас здесь приняли, за что я и благодарен. А эта девчонка… Ах да, я же не представил её. Её зовут Энни. Она не из нашей команды. Таких обычно называют “группи”, но я сомневаюсь, что Энн – одна из них. Она выиграла встречу с Iron Blackbirds. Нет, не так. Ей повезло, что под давлением Майка у меня не было времени выбирать победителя этого глупого конкурса в социальной сети. Конечно, я бы предпочёл, чтобы Энни оказалась прекрасной принцессой без комплексов и принципов, но на безрыбье и серая мышь – не уродливая жаба.

Да, и это именно она сейчас рядом со мной поднимает бокал в честь группы. Не знаю, зачем, но нам весело. Будто у меня появился друг, которому можно говорить всё, не боясь его

обидеть. С какой девушкой такое возможно? У меня их было достаточно, чтобы заверить – ни с какой, если хочешь с ней переспать. Энни же меня не хочет, и эти чувства взаимны.

Пора закругляться. Дрожь в руках стала заметной – я достиг своей меры алкогольного градуса. Скоро Энн перестанет понимать мой английский и бросит меня на произвол судьбы, не разобравшись, в какую гостиницу заказывать такси. Жаль будет расставаться, я уже к ней привык. Я даже выучил её имя, заметили? Эх, детка, будь ты из моей вселенной, я ни за что бы тебя не отпустил! Да, тебя, милую обыденность! Ты всё равно не понравилась бы моим родителям, да и плевать! Они тоже те еще сволочи! Но, знаешь, ты – не такая. Ты могла бы быть моей подругой для души. Ты могла бы быть моей душой. Хорошо звучит. Надо записать, а то забуду.

Я открыл телефонные заметки и принялся тыкать пьяными непослушными пальцами по экрану. Конечно же, Энни это увидела.

— Что ты пишешь?

— Эй! Подглядывать некрасиво! – завопил я и отдёрнул телефон.

— Я всё равно не понимаю, что там написано.

— Хочешь сказать, я поверю, что после целого вечера болтовни на языке ты не можешь разобрать такую простую строчку?

— Хочу сказать, что ты слишком пьян, чтобы попадать пальцами по буквам. – Она вырвала у меня мобильник. – Диктуй.

— Ты...

— Т-Ы. Дальше.

— Могла бы быть...

— Так.

— Моей душой.

— Душой?

— Да.

— Красиво.

— Дай мне время, и это станет ещё одним синглом.

— Мне это тоже записать?

— Нет, я просто хвастаюсь.

— Могу рассчитывать на предпремьерное прослушивание?

— Даже не думай, — прошептал я, сократив дистанцию до минимума.

Она усмехнулась, и, заблокировав экран, вернула мне мобильник.

— Тогда мне это больше не нужно.

— И что, никаких подвохов? Даже не посмотришь историю браузера?

— После твоих рассказов я воздержусь от подобных развлечений.

— И даже не оставишь ничего на память?

Губы Энн сжались в коварной улыбке. Она прильнула ко мне и подобно мне прошептала:

— Даже не думай!

— Эй! Да как ты смеешь использовать мои же заклинания против меня?

Мы закатились смехом, и Энн, проведя по экрану пальцем, включила камеру. Поправила причёску, и, когда должен был раздаться звук затвора, она поцеловала меня в щёку.

Так, этой мадам больше не наливать! – прокричал я, отбирая телефон, — Она рушит так грамотно выстроенную френдзону, что у меня нет никаких сил ей сопротивляться!

— Не кричи ты так! Все смотрят.

— Кто «всё»? Ты про этих петушков? – я кивнул на парней из группы и, поймав сердитый взгляд Джордана, поспешил отвернуться.

— Тебе на сегодня хватит.

— Не тебе это решать, малыш. Лучше дотянись до моей куртки и достань…

— Ты не будешь здесь курить.

— И это тоже не тебе решать.

Я потянулся и вытащил из кармана куртки пачку сигарет. Стоило мне это сделать, Джордан закудахтал, что я слабак. Это не так, не стоит ему верить. Ну и что, что я месяц, как бросил? Брошу ещё раз! Когда-нибудь точно это произойдёт, зачем постоянно об этом напоминать? Я закинул сигарету в рот и собрался прикурить, но Энн вырвала её.

— Здесь нельзя курить!

— Да брось!

— Либо иди на улицу, либо тебя сейчас же выгонят.

— Там же конкретный дубак!

— Тогда терпи.

— Смотрю, тебе неизвестна эта никотиновая ломка.

— Какая ломка? – Встрял Джордан. Он приподнялся со своего места и выглядел теперь уже куда более грозно. Громила Джо – совесть всей нашей группы, которая всегда против самого лютого веселья. Хотя учитывая мою пьяную фантазию, возможно, именно ему я должен быть обязан своими непереломанными руками и продолжающейся жизнью.

— Да не начинай! Я же всего одну!

Джордан тяжело выдохнул, отодвинул стул и уже через пару мгновений навис надо мной, бросив в меня мою же куртку. Фу, как некрасиво с его стороны! Ещё и перед девушкой!

— Энн права, тебе пора закругляться.

— Вы сговорились?

Джордан обратился к моей спутнице:

— Можешь вызвать такси? Я оплачу.

— Эй! Да я сам за себя заплачу! И девчонка едет со мной!

Громила схватил меня за затылок и угрожающе притянул к себе. На его выбритом виске пробежала венозная змейка. Я почувствовал, как его пальцы врезаются мне в кожу и зажимают волосы.

— Послушай меня, парень. Ты сейчас же молча собираешься и выходишь на улицу, где…

— Энн едет со мной.

— Я не дам тебе испортить и эту девчонку!

— Я её и пальцем не трону.

— Думаешь, я в это поверю? Да даже если так, тогда чем она тебе сдалась в отеле?

— Я обещал ей сыграть песню.

Песню, в которой только одна записанная в заметках телефона строчка. Песню, которой ещё не существует нигде, кроме моей головы. Энн должна услышать её первой.

— Пусти меня! — Я оттолкнул Джордана, поправился и обратился к Энни, — Я тебя не заставляю. И как я уже сказал, я тебя не трону. Давай будем честны друг с другом: между нами ничего не может быть. Ты не в моём вкусе, а я – не мечта твоей жизни.

Улыбка окончательно исчезла с лица моей спутницы. Она еле заметно сглотнула и ничего мне не ответила. Тогда я продолжил.

— Это неприятно слышать, особенно от такой пьяни, как я. Но я хочу, чтобы ты осталась со мной.

— Я… Я не понимаю тебя.

— Ты могла бы быть моей душой.

Но с каждым вздохом дыхание тише.

Без наркоза режешь мне спину ножом,

А я не могу – я хочу быть ближе.

Мало мне боли, мало мне страсти,

Мало мечты, создавшей кошмар.

Я хочу быть твоим хотя бы отчасти…

Я запнулся. Рифма ушла вслед за ритмом. Какая была последняя строчка? Я ещё раз с надеждой взглянул на Энн, будто она должна знать, как продолжить эти стихи. Но нет. Она молчала. Джордан устало покачал головой и направил меня к выходу из заведения. Я и не стал сопротивляться. Джордан прав, я слишком пьян.

Морозный воздух сразу ударил мне в лицо, обжигая кожу. Глаза невольно заслезились, и вид города превратился в яркие пятна на тёмном фоне ночи. Я нащупал в кармане зажигалку, достал её и пару раз провёл большим пальцем по её колёсику. Ну и что, что я опять бросил курить? Я рок-звезда! И умереть хочу, как рок-звезда – в собственной блевотине и с сигаретой в зубах! Сегодня слишком прекрасный день, чтобы не отметить его сорванным обещанием. Только куда я дел эти… как их? Только что же их называл! Си… Сигареты! Где они, твою мать?

— Фокс! Подожди! – окликнула меня Энн, выбежав из ресторана.

Похоже, они выпали, когда на меня накинулся Джордан. Надо вернуться…

— Фокс! – Энн остановилась у меня на пути, — посмотри в заметки.

— Там сигареты?

— Что? Нет!

— Тогда я пошёл.

— Посмотри в заметки на телефоне!

— Я потерял сигареты. Готов убить любого за одну.

— Прочитай чёртовы заметки! Сейчас!

— Да что в них такого?

Она фамильярно засунула руку в карман моей куртки и достала оттуда телефон.

— Посмотри!

— Ладно-ладно! Зачем кричать-то?

Я открыл приложение. Заметка без названия. Сделано: сегодня, в 00.14. Начало заметки: «Ты могла бы быть моей душой…».

Энн нажала на эту заметку за меня. Раскрылся полный текст, и я не поверил увиденному. Стихи, которые я только что читал ей, придумывая на ходу, были напечатаны на моём телефоне. Но как? Я не помню, чтобы писал их! А тут… полный текст, куплеты, припевы…

— Что? Что это такое?

— Это твоя песня.

***

Я знал, что утро будет беспощадным. Не помню, как поставил будильник, но именно его я начал ненавидеть первым, когда очнулся в гостиничном номере. Вопреки стереотипам о похмелье, голова у меня не раскалывалась, но легче от этого не становилось. Мне было плохо всему: каждая клетка моего тела страдала и винила в этом глупый мозг, позволивший напиться. Стоило убрать с лица волосы, в нос ударил запах сигарет. Я снова закурил. Merde, я ничтожество. Уверен, при встрече парни скажут то же самое. Похоже, сегодня я не завтракаю – от одной только мысли о еде мутит.

За спиной что-то зашевелилось. Я перевернулся и увидел закутанную в одеяло женскую фигуру, явно не желающую покидать постель. Но подожди, разве между нами что-то было? Да не, вряд ли. Я одет, она – вроде тоже. Вот и славно, быстрее уберётся от меня подальше.

— Эй, — пробурчал я, подтолкнув её плечо, — Тебе пора.

— Да, я слышала будильник, – пробормотала она потягиваясь.

Хорошая девочка, не устраивает истерик.

Тошнота резко достигла пика, заставив меня спешно перебазироваться к унитазу. После пары попыток опустошить желудок я распластался на холодной плитке. Сбитое дыхание и при-

льнувшая к лицу кровь – как признак выздоровления. Дай мне только минут пятнадцать, я приду в себя. Но нет.

Она вошла в комнату без стука, будто меня здесь и не было. Бесцеремонная и самоуверенная. Кто ты, чёрт возьми?

— Рекомендую подкрепиться чем-нибудь жирным, — спокойно сказала она, стирая с лица остатки косметики.

— Я сам разберусь.

— Ну-ну.

— Будто я пить не умею.

Она остановилась, просканировала взглядом мой внешний вид и с ухмылкой продолжила:

— Не умеешь.

— Виски был палёный, вот и всё!

— Ну-ну.

— Тебе, вообще-то, пора.

— Тебе тоже.

К горлу накатил ещё один приступ тошноты, и я не заметил, как она оставила меня в одиночестве. Наконец-то. Тоже мне, важная персона! Сам разберусь, нянек не нанимал! Из номера послышался голос Криса. Отлично, он-то её выпроводит отсюда!

— Ты как, парень? – спросил Крис, заглянув в комнатку.

— Бывало и хуже, — прохрипел я в ответ.

Крис перекинулся парой слов с девушкой, после чего до меня донёсся приглушённый звук хлопнувшей двери номера. Приведя себя в порядок, я вышел из ванной комнаты. Крис отвлёкся от экрана телефона:

— Майк собирает всех внизу. Какое-то объявление будет.

— Думаешь, из-за меня?

— Всё возможно. Что вчера на тебя нашло?

— Не понимаю, о чём ты говоришь. — С полным серьёзности лицом ответил я и не соврал. В отличие от всех вокруг я действительно не помнил событий прошлой ночи.

— Всё ты понимаешь.

— Уже выпить нельзя?

— Ты давно так не срывался.

— Брось!

Я взял с тумбочки мобильник и отошёл. Крис не смотрел в мою сторону, но я чувствовал, что он всё ещё ждёт от меня объяснений. Интересно, что они наболтали Майку.

— Ладно, — нерешительно выдохнул я, — просто появилось одно дело дома.

— Что-то стряслось?

— Нет, ничего серьёзного. Я надеюсь. И вообще, знаешь что? Уверен, все уже собрались.

— Ты прав, пойдём.

— Не отказался бы сейчас от картошки фрит!

— Когда ты уже выучишь, что она называется «фри», а не «фрит»?

***

Крис подождал, пока я соберусь, и мы вместе спустились в отельный ресторан. В самом углу зала я заметил блондинистую шевелюру Джейка, который уже вовсю уплетал завтрак вместе с Джорданом. За тем же столом располагался и Алан. Мы подошли ближе. Менеджер группы на горизонте не просматривался. Не скажу, что от этого становилось легче. Тут скорее дело было в другом: мне было абсолютно безразлично, что он вынесет на публичное осуж-

дение в этот раз. Я смутно помню прошлый вечер, и совесть меня совсем не терзает. Готов поставить двадцатку на то, что в грядущем меня-бичевании прозвучит «этот обалдуй только о себе и думает», а также «улетишь у меня первым же рейсом». Конечно же, до реальных дел никогда это не дойдёт, потому что на мне, каком-то «всего лишь ритм-гитаристе», держится вся группа. Вот увидишь, это так.

Парни держались неразговорчивыми. На их лицах ярко читались последствия пережитой под градусом ночи. Разве что Алан выбивался из этого ряда героев утреннего похмелья. Бледнее обычного, наш барабанщик, едва удерживал в трясущихся руках чашку кофе.

— Не можешь привыкнуть к местной погоде? – Бросил я Алану и кивком поздоровался с остальными.

— Не тереби его, — скомандовал Джордан с набитым ртом, — он потерял паспорт.

— Как это, потерял?

Белизна кожи Алана стала неравномерно заполняться кровью, создавая на лице алые пятна. Он попытался что-то промямлить, но едва смог выдавить из себя невнятные междометия.

— Мы обыскали все его вещи и номер. Нигде нет.

— И что теперь? Майк в курсе?

— Он пытается дозвониться в консульство.

— Пытается… – я тяжело выдохнул, откинувшись на спинку стула и забрав непослушные волосы руками. Даже если и дозвонится, готовенький новый паспорт никто не отправит ни курьером, ни почтой — нужно ехать лично. Голова погрязла в мыслях, как играть тур дальше. Если внутри страны Алан сможет ездить по временному паспорту, то за её пределы поехать точно не сможет – без виз его не пустят. Хотя погоди, мы же вроде без них можем кататься по Европе? Ладно, в любом случае пока он будет оформлять новые документы, самолёт улетит без него! И что тогда? Без барабанщика выступать? Да ну, увольте! Боюсь представить, как перепало альбиносу от Майка… Я-то крепкий орешек, мне не впервой, а он… Он и забиться в угол может со страха. А вот, кстати, и Майк.

Менеджер приближался стремительно. Его лицо выражало тяжёлую напряжённость, слишком знакомую мне. Он был недоволен, сердит, либо даже зол. Вот только это не просто злость, это – постыдное для него смирение. Майк не добился желаемого и теперь вынужден это признать.

— В консульство мы не едем, — прошипел Майк и бросил в Алана ту самую синюю книжонку, которую искали всё утро. Парень настолько опешил, что не нашёл слов, чтобы ответить. Честно признаться, мы тоже ожидали не такого развития событий. – Что расселись?

— Так завтрак…

— Завтрак! Собираться пора! И всем проверить документы!

Конечно же, никто не сдвинулся с места. Сам же менеджер взял у соседнего столика стул и, подставив рядом с нами, рухнул на него.

— Может, расскажешь, где ты его нашёл? – осторожно спросил Крис, опустив глаза в стоящую перед ним чашку.

Майк промолчал. Он не выглядел человеком, который рад разрешению этой сложной проблемы. Он медленно, едва заметно покачивал седой головой и беззвучно проговаривал что-то для себя одного. Казалось, за своими думами он не услышал заданного вопроса. Мы переглянулись между собой, не решаясь ни повторить слова Криса, ни сказать иного. Молчаливая пауза продолжалась пару минут, пока менеджер неожиданно для всех не хлопнул рукой по столу и не прервал напряжённую тишину. «Через полчаса выезжаем в аэропорт. Всем проверить свои документы. Ещё раз проверить!»

Глава 2

Мне кажется, я схожу с ума. Так тихо, аккуратно и маленькими шажками, но я качусь в пропасть безумия. Иначе как объяснить то, что я отчаянно везде вижу эту девчонку? Нет, я ещё могу понять, когда она маячила в отеле после того, как Крис любезно попросил её меня оставить. Но почему я продолжаю её видеть и здесь, в аэропорту? Неужто это не мираж, и она решила фанатично следовать за нами в каждый город? Глупая. Я не слышал ни одной реальной истории, в которой артист обратил бы серьёзное внимание на вздыхающую по нему фанатку, и уж точно ни за что не стану тем, кто расскажет такую про себя. Кстати, как её там звали? Вот, не помню. О чём я и говорю. Подожди, она идёт к нам? Глаза мне не врут?

— Вот я вас и нашла! – воскликнула она, приблизившись вплотную. Я даже сделал пару шагов в сторону – чтоб не обольщалась.

— Что ты здесь делаешь? – Дружелюбно спросил Джейк. Слишком дружелюбно. – Летишь домой?

— Майк Вам ничего не сказал? Я лечу с вами!

— Надеюсь, это шутка, — отрезал я и наградил Майка многозначительным взглядом. Он не успел ничего ответить, как девчонка с восторгом продолжила:

— Я в таком предвкушении! Никогда не видела эту вашу кухню изнутри.

— О да, посиделки после концерта – это лишь крохотная часть гастрольной жизни. Уверен, тебе понравится! – Ответил Джейк и подмигнул ей.

— Ты будешь помогать Майку? – уточнил Джордан.

— В каком-то смысле…

— Она будет переводчиком, — перебил её Майк, профессионально игнорирующий мой полный непонимания взгляд.

— Ты же всегда был против помощников! – Буркнул я.

— Поэтому Анна будет переводчиком, я же сказал, — сохраняя спокойствие, ответил менеджер.

Нет, он определённо не понимает или не хочет понимать. Наверняка делает это мне назло! Ну и что, что я немного выпил? Ну и что, что я немного побуянил? Всё же в порядке! А он берёт и приставляет ко мне няньку, которая сама ничего не знает и не понимает! Алан вот потерял документы, тем самым вляпался куда сильнее моего, а надсмотрщика подставляют ко мне! Ещё и группи!

Если думаешь, что это всё мои выдумки, то как ты объяснишь, почему её подсадили ко мне в самолёте? Я серьёзно, это заговор против меня. И какое удивление она изобразила при этом! Я почти поверил, да. И парни, как назло, отказались меняться местами.

— Здорово, что мы полетим вместе, правда? – Спросила она, усевшись в соседнее кресло самолёта.

— Угу, — зачем-то вырвалось из меня. Я отвернулся и уставился в окно.

— Мне показалось, мы вчера как-то… неправильно начали общение.

— Угу.

— Что ж… Тогда… Может, начнём сначала?

Я посмотрел на неё. Такая она наивная.

— Что ты хочешь от меня?

— Что?

— Ты хочешь начать сначала. Но между нами ничего не было. Что ты хочешь начинать сначала?

— Я просто хочу быть друзьями.

— Я не умею дружить, — я снова отвернулся. Этот разговор должен зайти в тупик и положить начало отличному молчанию на весь оставшийся полёт.

— Послушай. Та песня… Что вчера…

— Тебя она не касается.

— Касается. Я же видела, как ты её написал.

— И что?

— Кто знает, что ты ещё напишешь, пока я рядом?

— Ах, вот оно что!

— Что?

Нет, она меня вынуждает! Я тяжело выдохнул, взял себя в руки и постарался спокойно ответить, повернувшись к ней лицом:

— Давай сразу расставим все точки над i. Ты думаешь, что стала моим вдохновением для одной глупой песенки. Ты серьёзно считаешь, что мне требуется твоё присутствие, чтобы выжать из себя хоть несколько строчек? Мне, человеку, что может с ходу сочинить стихи даже об ананасах на пицце?

Девчонка промолчала. Теперь она смотрела не на меня, а куда-то чуть ниже. Её губы сжались. Улыбка искривилась, но осталась на лице. Я продолжал:

— А ты самонадеянная. Ты не думай, я не пытаюсь тебя обидеть. Я хочу, чтобы ты поняла: твоё присутствие ничего не меняет. Мне не нужна муза, чтобы писать. Надеюсь, что ты решилась поехать с нами не в порыве романтических фантазий обо мне.

— Не волнуйся, я помню, что не в твоём вкусе.

— Вот и славно.

Мы окончательно отвернулись друг от друга. Я вставил в уши наушники и поставил на повтор последний альбом «Architects». Закрыл глаза и невольно повторил про себя диалог. Когда это я говорил, что она мне не нравится? Это было до того, как мы провели вместе ночь, или после?

***

Готовь парашют, иного выхода нет.
Ты сходишь с дистанции,
Не забудь
Выключить свет.
Прощай, гравитация.

***

Если бы пару лет назад мне сказали, что я добровольно поеду в Сибирь, я бы громко рассмеялся в ответ. Ненавижу холода. Предпочитаю наблюдать снег в рождественских фильмах, а не под ногами, знаете ли. Но вот я здесь, и завтра мы даём концерт, который обещает быть шумным. Все билеты распроданы, а это только наши первые гастроли за пределами Штатов. География тура может показаться странной, но все города для выступлений выбраны не случайно. Это результат анализа аудитории группы и региональных фанатских сообществ, который приносит очень неплохие, такие зелёные и хрустящие в руках плоды. Одно такое сообщество даже смогло уговорить нас дать интервью, из-за которого пришлось отказаться от полноценного обеда. Для туров это частое явление, поэтому все мы говорим привет гастриту, панкреатиту и ещё миллиону других «титов», пожирающих нас изнутри, благодаря непостоянным перекусам и алкоголю.

Серой каруселью прокрутился город за окном такси. Обыденный, мокрый, промозглый. Я ожидал суровых морозов и снежных сугробов в человеческий рост, но их не оказалось. Получил же я слякоть под подошвой, слякоть вместо дождя, да пронизывающий до кончиков пальцев слякотный ветер. Это место меня не любит, так бывает.

Мы направились на интервью прямиком из аэропорта, оставив чемоданы на Майка. Редкий случай, когда менеджер позволил нам вырваться из-под его присмотра. На самом деле Майк – хороший человек. И организатор он хороший. Как бы мы с ним ни ругались, старина Майк – гораздо больше, чем просто менеджер: он и отстраивает инструменты, и участвует в

саундчеке, и договаривается с концертными площадками, и делает ещё бесконечное количество операций, о которых я даже вряд ли догадываюсь. У нас никогда не было тур-менеджера, потому что Майк всегда ездил с нами. Он – наша команда и наша семья. Прекрасный человек. Хорошо, что сегодня его с нами не будет!

У входа в здание нас уже ждали, но не толпы фанатов, а всего лишь организаторы. После рассказов о проданных на концерт билетах, я уже было представил, как выхожу из машины, отовсюду слышится моё имя, тянутся руки и мелькают вспышки камер. Разве не так должны фан-клубы принимать рок-звёзд? Даже мой внутренний интроверт втайне мечтает о такой встрече! Хотя что там, мечтает, – в Штатах пару раз так и было. Это я не хвастаюсь... кого я обманываю, конечно же, хвастаюсь. И хочу ещё!

Александр – тот, что постарше – в разговоре с нашей мадам переводчицей возбуждённо размахивал руками, чем-то напоминая итальяшку. Скорее всего, по-английски он не говорил. Другой же, Антон, весь покраснел, стоило Джейку протянуть ему руку. Парнишка буквально залился краской и, пока мы поднимались, едва смог выдавить из себя пару слов.

Интервью было запланировано в одной из переговорных комнат бизнес-центра. Весь этаж представал огромным офисным кабинетом, разделённым лишь проходами между столами. Даже перегородок не было. Как тут можно работать – в душе не понимаю! Тяжёлое матовое стекло витрин отделяло незначительные залы для совещаний от открытого офиса. Проектировщики явно сделали в этом помещении всё, чтобы показать офисному планктону, насколько удручающая у него судьба. Не может работа с бумажками быть такой лёгкой и приятной, да, парни? И как же я рад, что никогда не буду работать в таком месте!

— Так почему Россия? – Спросил Антон, когда представил нас будущим зрителям его канала.

— А почему нет? – Смеясь, ответил Джейк.

Он всегда свободно говорил на камеру. Самый общительный и милый, главный красавчик группы. Не могу сказать, что не завидую, скорее, привык принимать это как данность. Но пускай работает, отрабатывает свою популярность. Всё равно стоит нам выйти на сцену, и эта роль окажется в моих руках, ещё увидишь!

— Хорошо, что здесь нет Майка: он нам постоянно задаёт этот вопрос, – иронично добавил Крис.

— Майк – это ваш менеджер, так?

— Да, можно и так сказать.

— Мы его тоже сегодня ждали в гости, но, как я понимаю, он очень занят, раз не смог прийти. Однако теперь я не могу не спросить: в вашей команде значится... кхм... наша соотечественница? – Антон, а за ним и остальные перевели взгляд на сидящую в углу девчонку. Она смущённо улыбнулась. – Для наших зрителей поясню свои слова: сегодня, когда мы связывались с группой насчёт интервью, лично для меня было шоком услышать на другом конце провода русскую речь. То есть, мы были приятно удивлены, что можем говорить на одном языке, но факт остаётся фактом: мы не так часто встречаемся с русскоязычным персоналом у зарубежных групп.

— Просто так получилось, – ответил Джордан. – Это не было запланировано, но...

Джордан затянул это «но» в поиске подходящего продолжения.

— Но так получилось? – Подхватил Антон.

— Именно! – Выдохнул Джордан.

— Джордан любит лаконичность, – усмехнулся я и заметил на себе его сердитый взгляд. Но я был бы не я, если бы не пошутил над ним. – Не обижайся, милый, мы же все прекрасно знаем, какой ты блестящий оратор!

Кажется, я несколько переборщил, потому что Джордан в тот же момент швырнул в меня бутылкой с водой. Едва удерживая баланс на задних ножках стула, я откинулся назад, но не

смог увернуться и с грохотом упал на пол. По комнате мгновенно прокатился взрыв смеха. Крис похлопывал Джордана по плечу и, как и Джейк, взялся за живот. Антон прикрыл ладонью рот и тихо хихикал. Даже прежде тихий Алан раскраснелся и вытер с глаз проступившие слёзы. Сам я катался по полу, представляя комичность этой ситуации.

— Вы это сняли? – Громко спросил я, когда, наконец, смог вернуться на своё место. – Скажите, что сняли!

— Да, это было в кадре.

— Не вырезайте! Мне нужно это видео!

***

Дон Вито: Парень, не хотел тебя напрягать, пока ты в туре, но она опять тебя искала.

Я: Что хотела в этот раз?

Дон Вито: Спрашивала, когда ты возвращаешься домой. Кажется, она серьёзно настроена тебя найти.

Я: Раньше надо было думать.

Глава 3

Как пишутся песни? Конечно, у каждого по-своему. Кто-то перебирает рифмы, пока они не сложатся во что-то связное. Кто-то ждёт пресловутого вдохновения, поэтому либо махом выдаёт стопку никому не нужных стихов, либо годами наживается на своих старых хитах, если они вообще были. Есть ещё те, кто сначала пишут музыку, а уже потом накладывают на неё слова, будто нанизывают бусины на уже сплетённый каркас браслета.

Иногда мою голову посещают абсолютно абсурдные и нетипичные разумному и – что важнее – адекватному человеку мысли, многие из которых я так или иначе отражаю в нашей музыке. Ты уже наверняка теряешь ход мысли, а я всё ещё пытаюсь тебе объяснить, что чуть ли не каждую обработанную в моём мозгу фразу я могу сделать песенной строчкой. Так, я написал «I know I'm hot», самую грязную композицию группы. Нам тогда было по семнадцать, мы хотели выглядеть крутыми и думали исключительно гормонами. Уверен, она стала хитом из-за таких же, как и мы, подростков. В свои двадцать три я иначе смотрю на эту песню. Кто-нибудь, выключите этого старпёра во мне!

Настоящая музыка требует эмоций. Вспомните главные хиты любимых групп, они же все написаны на эмоциях, будь то рок, поп, фолк и так далее (кроме электроники, хотя, может, я в ней просто ничего не понимаю). Если открыть статистику прослушиваний Iron Blackbirds, ты поймёшь, что наша группа – не исключение. Мы не открываем настоящего автора песни, если она доходит до записи и публикации, но я знаю, наши фанаты всегда пытаются его угадать. Никогда не думал, что люди, которые меня не знают лично, будут безошибочно определять мой почерк. Они определённо заметили мою манеру поднимать градус и с новой рифмой заставлять голос надрываться сильнее. А ещё я люблю, когда каждая строчка заставляет душу рваться на части. Это становится возможным, если сам переживаешь подобное. В самые ужасные дни я сублимирую. Чёрт, ужасно прозвучало. Это не то, о чём ты думаешь. И не в том смысле, что я становлюсь таким же обезвоженным, как сублимированный кофе. Я просто спасаюсь от засевших дурных мыслей и эмоций через творчество. Я выжимаю из себя всё зло, всю панику, ужас и – не поверишь – любовь, чтобы переложить это на музыку и, как говорит Майк, «снова сделать это». Сублимация опустошает меня, но только опустошённым я могу спокойно жить, не принося вред окружающим. Сублимация – умное слово, подсказанное Джорданом. Не смотри, что он такой громила и качок, он и умные книги читает, в отличие от меня. Я же просто люблю красивые словечки.

Мы с тобой уже достаточно знакомы, чтобы я позволил себе открыть маленький секрет. Знаешь, какая песня далась мне тяжелее всего? «Faith», моя любимая и ненавистная. Парни так

и не знают, что я пережил, прежде чем написал её. Она отличается от остального репертуара своей лёгкой запоминающейся мелодией и простыми рифмами. Но только вслушайся в текст. Он же совсем не о бабочках и радужных пони! На концертах я её исполняю в одиночестве под акустику или в дуэте с Джейком. Всякий раз я сажусь на сцене на стул, беру гитару и пою, принудительно отключая в голове бесконечный поток мыслей и воспоминаний. Зрители в зале глазеют, улыбаются, качаются в такт и даже подпевают мне. Но они не слышат главного: то, как я восхваляю собственную боль. Удручающие слова под весёлую музыку – лучшее описание для «Faith». Будь моя воля, этой песни уже не было бы в нашем репертуаре! Но её любят зрители, а Джейк может дать отдохнуть голосовым связкам, пока я напрягаю свои. Пару раз он их уже срывал, последствия никому не понравились.

***

По окончании интервью мы тепло распрощались с Антоном и Александром и направились в отель. У меня резонно встал вопрос о проживании. Не понимаю, почему это занимало только меня: дело же важное – решить, кто с кем будет ночевать. Обычно мы разбиваемся по уже привычному нам порядку: Джейк с Крисом (неразлучная парочка), Алан с Джорданом (последний храпит так, что никто не соглашается ночевать с ним, а Алан вроде и не сопротивляется), ну и мы с Майком в отдельных номерах. Я, может, и согласился бы составлять компанию альбиносу, но не хочу расставаться с возможностью хотя бы на ночь оставаться в одиночестве с самим собой. Теперь же нас ожидали изменения. Нет, не так. МЕНЯ ожидали изменения, и не в мою пользу. Но, как обычно, мой интерес упёрся в стену непонимания и остался без внимания.

Тем временем холодное солнце нежно скатывалось в закат свободного вечера. Концерт был намечен на завтра, и у нас была возможность, наконец, отдохнуть с дороги. Я бросил свои вещи в одном из снятых номеров и перебрался к Джейку с Крисом, прихватив содержимое мини-бара. Позже к нам присоединились и Алан с Джорданом. Даже странно, что, имея возможность разойтись по углам и не видеть друг друга, мы всё равно собираемся вместе, даже если провели бок о бок столько времени. Но как же можно не подразнить Джейка его излишней метросексуальностью, не назвать Джордана подкаблучником, а Алана… А над Аланом забавно издеваться. Всё равно он этого не понимает. Либо понимает, но не обижается. Да и смысл ему обижаться? Мы не со зла же – мы, как говорится, любя. Каким-то образом это всё помогает расслабиться.

Не знаю, сколько времени мы так провели, валяя дурака, но город за окном уже давно скрылся за ночной завесой. Мы играли в придуманную нами же безымянную игру, когда раздался стук в дверь. На миг в комнате повисла тишина. Не сговариваясь, мы посмотрели на Альбиноса. Его щёки быстро налились краской.

— Я не знаю, кто это, – пробормотал он.

— Так узнай! – Сказал я и подтолкнул его к двери.

У меня в голове возникло сразу две мысли: либо это администратор отеля собирается отчитать нас за шум, либо за тем же пришёл Майк. Вспомнилась забавная история, как мы однажды застали старика напевающим нашу песню, но абсолютно не попадающим ни в ноты, ни в ритм. Кажется, после того случая он больше ни разу не пел при нас. Стесняется, наверное.

Я проводил Алана взглядом. Он осторожно опустил ручку двери и приоткрыл её. Под кожей на его щеках тонкой струйкой пробежала алая кровь. Из коридора послышался женский, нет, девичий голосок. К нам пришла Энн.

В нашей компании она всё ещё чувствовала себя смущённой. Иначе как объяснить, почему она не вошла сразу, почему ждала ответа Алана? Как же это глупо! Непрофессионально! Ты либо на одной волне с командой, либо ты за её пределами. Третьего – не дано.

Альбинос, пусть и стоял истуканом перед Энн, но всё же додумался её пропустить. Она не была похожа на себя, по крайней мере, на себя, которую я видел ранее. Что-то в ней изме-

нилось, но что? Я вовремя поймал себя на том, что с глупой ухмылкой рассматриваю эту девчонку. Попытался отвести взгляд, но он снова и снова возвращался к ней. Энн по-прежнему напоминала серую посредственность, выделяясь в комнате лишь своим гендером. Но что-то в ней было такое, что заставляло пялиться лишь на неё. Она продолжала выглядеть слегка растерянной, хоть украдкой и улыбалась. Конечно же, смотрела она в основном на Джейка, женского любимчика! Конечно же, он смотрел на неё с каким-то странным восхищением, будто забыв, что дома его ждёт жена. Конечно же, я это всё заметил и теперь рассказываю тебе. Но в тот момент я промолчал, не найдя ни слов, ни повода их произнести. Мы все наблюдали за немой картиной, не понимая, как теперь себя вести.

Энн прошла вперёд, аккуратно переступая через разбросанные сумки и шмотки, и остановилась рядом с кроватью, на которой раскинулся Джейк.

«Даже не думай», – зачем-то вырвалось у меня, пожалуй, слишком громко.

Все обернулись. «…Делить кровать с женатым», – добавил я и нехотя встал с насиженного места. Не понимаю, зачем я это сделал. Хотя бы получилось выкрутиться, а то подумали бы, что я приревновал.

Энн устроилась в некогда моём кресле у окна, в то время как мне пришлось усесться на пол, опершись спиной о каркас кровати.

— Посмотрите-ка на него! – С комичной издёвкой произнёс Крис, — Настоящий джентльмен!

Я сложил руки на груди и, кивком сбросив волосы на лицо, опустил голову. Такой загадочный рыцарь, одинокий Джанго, что б вас! Для пущей достоверности образа достал из кармана мобильник и изобразил занятый вид. Новых сообщений от Вито не поступало. Хоть он и мой лучший – единственный – друг, но по пустякам писать мы друг другу не будем. Вспомнилось прошлое его сообщение. Может, он смог сам разобраться? Без меня и моего участия. Может, само рассосалось, и я снова никому не нужен? Было бы здорово. Нет. Даже не хочу думать об этом! Пальцы отыскали наш с Кубой чатик. Снова с её помощью я пытаюсь отвлечься. Нет, Куба – милая хорошая девчонка. Мы не встречаемся, и ей этого достаточно. Но всё же наши переписки – это моё порочное удовольствие, guilty pleasure, из-за которого потом становится немного не по себе. Куба, моя малышка, такая же доступная для меня, как чизбургер в ближайшей забегаловке. Такая же вкусная, когда изголодаешься, и такая же ненужная, когда и без неё хорошо. Какая только грязь не приходила в мою голову, благодаря ей и этому чату. В каких только позах я не наблюдал её на фотографиях, в одежде и без. Написать ей? Но что? Пролистал прошлые переписки. Левой рукой нащупал третью сверху пуговицу на рубашке и расстегнул её. Этой комнате не хватает воздуха на всех. Коснулся слегка вспотевшей под одеждой кожи. Такая холодная… И в то же время под ней разливается нежным потоком тепло, превращаясь в кипящее марево по мере приближения к лицу. Что написать. Что написать? Как начать диалог в этот раз? Запрокинул голову назад и поймал на себе взгляд Энн. Она заметила, что я на неё смотрю, перевела глаза вниз и снова на меня. Я опустился ниже. Неотпаренный воротник чёрной рубашки Энн отказывался лежать ровно, хоть она и пыталась его разгладить руками. Отсутствие верхних пуговиц зрительно создавало неположенное декольте. Интересно, она специально для меня надела эту рубашку? Хотя откуда ей знать мои вкусы. Кстати, на ней прекрасно смотрелась бы любая из моих рубашек. Я считаю, нет лучшего эквивалента победного знамени на завоёванной крепости, чем мужская рубашка на голом женском теле.

Стоило мне это представить, как в и без того возбуждённую голову полезли дрянные мысли. Энн не хватало настойчивости и, возможно, сложности характера, чтобы смотреть на меня, не отводя взгляда в сторону. Мне же хватило одного подмигивания, чтобы она зарделась. Я сразу же встрепенулся. Поднялся, подошёл к ней со спины и, опершись руками о подлокотники кресла, на котором расположилась Энн, коршуном навис над ней. Без сомнений, она ощущала моё присутствие и с трудом пыталась сохранить самообладание. Я нагнулся ниже

и приблизился настолько близко, чтобы каждое моё слово отражалось едва заметным прикосновением губами к её уху.

— Мне кажется, здесь достаточно жарко, чтобы открыть окно, не находишь?

— Д… да, хорошая и-идея, — запинаясь, прошептала она.

Даже не знаю, зачем эта игра, но мне от неё стало не по себе весело. Я снова уселся на пол напротив Энн. Она неловко отводила глазки в сторону, стоило им встретиться с моим взглядом. А смотрел я на неё почти непрерывно, подкрепляя всё неявной, но хитрой улыбкой. На фоне звучала очередная история Джейка, которая периодически перенимала на себя положенное мне внимание Энн. Надо бы увести её отсюда, придумать, как незаметно для остальных выманить её. Парни уже не первый день меня знают. Стоит мне вслух предложить Энн уединиться, они сразу же засудачат о моём распутстве, а затем доложат об этом Майку. Несомненно, они будут правы, но мне определённо не хочется выслушивать очередную нотацию. Хотя даже интересно, какое наказание он придумает мне в этот раз.

Я осмотрелся. В комнате было всё необходимое для приятного вечера – даже не за чем отлучиться! Маленькие пальчики Энн неспешно поглаживали нижнюю пуговицу её чёрной рубашки. Чёрная рубашка. Tengo. Tengo la camisa negra... Как в песне... Точно!

«Мне нужна помощь» – отправил я Энн. Она прочитала сообщение и вопросительно посмотрела на меня. «Подыграй мне».

Я отложил телефон в сторону и показательно провёл пальцами от висков ко лбу. Через минуту-две, покряхтывая, повторил это движение. Подождал ещё немного.

— У кого-нибудь есть собой аспирин? – Наконец, произнёс я во всеуслышание. – Голова раскалывается.

— Меньше нужно пить, – ответил Крис.

— Ой, что-то не помню, чтобы у нас здесь водились трезвенники! – Воскликнул я и многозначительно посмотрел на Энн. Она промолчала, но пару мгновений спустя до неё дошёл мой посыл.

— Эмм... возможно, у меня есть что-то от головной боли...

— Поделишься?

Мы вышли в коридор, и она полезла в карман за карточкой от номера.

— Что-то потеряла? – Спросил я, пройдя вперёд.

— Бумажку с номером комнаты.

— Ты серьёзно думаешь, мне нужен аспирин?

Она промычала что-то невнятное, продолжая семенить за мной. Я украдкой обернулся. Нет, она просто чудо, если действительно настолько наивна. Я еле сдержал улыбку.

— Но тогда куда мы идём?

— Заниматься жарким сексом.

Энн догнала меня. Моё невозмутимое лицо конкретно выбило её из колеи, чем ещё сильнее раззадорило меня. Её взгляд надо было видеть!

— Да ладно тебе! Ничего такого. Напишем ещё одну песню и разойдёмся.

— И я должна в это поверить?

— В аспирин же поверила.

Я открыл дверь в свой номер и протянутой рукой показал девочке, что она здесь желанный гость. Хвастаться было нечем: все номера здесь походили один на другой, как и в любой гостинице. Она аккуратно прошла внутрь.

— Хотел признаться, – начал я распушать свой павлиний хвост, – я не знаю, почему так повёл себя тогда, ну, в ресторане. И потом тоже.

— Ты извиняешься?

— Я разве так сказал? – Я улыбнулся. Что-что, а извиняться я точно не собирался.

— Тогда что изменилось?

— Мне кажется, ты была права, когда сказала, что мы не с того начали.

Я сделал шуточный реверанс, взял Энн за руку и нежно прикоснулся губами к её тонкой, нежной коже.

— Позволь представиться, Фокс. Балагур, шутник, пьяница и – по вечерам – музыкант.

— Анна, – ответила она, не скрывая румянца на щеках.

— Я буду звать тебя Энни. Ты же не против, Энни?

— Хорошо.

Второй звоночек. Я на правильном пути.

Рассказывая каждый о своей жизни, мы не заметили, как уже лежали рядом и с упоением вглядывались в глаза и губы друг друга. Её каштановые волосы тонкими струйками стекали по плечам, очерчивая округлую грудь. Она старалась не убирать их, чтобы я ненароком не увидел, как трясутся её пальцы. Её кожа пылала от жара. Энни продолжала смущаться, поэтому на очередной моей истории она отвела взгляд и принялась разглядывать татуировку на моей руке.

— Что она означает?

— То, каким я был идиотом, когда её сделал. – Я положил её руку на своё запястье, где и был расположен чёрный узор. – Не стесняйся. Я не кусаюсь.

— И всё же, зачем ты её сделал?

— Неужели ты никогда не ошибалась?

— Ошибалась. Но я не делала ничего…

— Что осталось бы с тобой на всю жизнь?

Я позволил ей поводить пальцем по рельефу рисунка и притянул её ладонь к своим губам. Скромный, едва ощутимый поцелуй. Ещё один. И ещё. Я обнимаю её за талию, расстояние сокращается до минимума. Целую в плечо, в ключицу и, наконец, отвожу воротник рубашки и дохожу до шеи. Оставляю один за одним мягкие, слегка щекочущие поцелуи. Запрещённый приём, который работает безотказно. Глажу горячую щёчку и тянусь к губам… Момент прерывает звонок, предательски раздавшийся в самое неподходящее время из кармана моих джинсов. На мгновение я застыл, принимая решение. Нет, кто бы там ни был, он подождёт. Я целую Энн, и она отвечает мне тем же.

Телефон трезвонил дольше, чем я ожидал, поэтому в какой-то момент мне всё же пришлось отвлечься, чтобы его выключить.

— Это кто-то из группы? – Спросила Энн.

— Скорее кое-кто из прошлого, – ответил я, разглядывая знакомые цифры на дисплее.

— Одна из тех миллионов твоих бывших?

— Конечно. У меня миллионы бывших и ребёнок от одной из них.

— Так я тебе и поверила!

Я отложил телефон на тумбочку, предварительно отключив его.

— Больше нам не помешают. На чём мы остановились?

Я с новой силой накинулся на мою девочку с поцелуями. Дыхание становится тяжелее. Температура в комнате заметно повышается. Верхняя пуговица перестаёт быть препятствием, как и следующая за ней. Медленно запускаю руку под ткань и нащупываю тонкую лямку совсем не кружевного белья. Пальцы ныряют под неё. Едва заметный нервный импульс, и по коже Энн пробегают мурашки. Она кладёт сверху ладонь, но я не останавливаюсь. Продолжаю расстёгивать одну пуговицу за другой, ласково сжимая в ладони её мягкую грудь. Опускаюсь ниже, одаривая поцелуями её тело. Она слегка выгибается, закрывает глаза и невольно зажимает зубами нижний уголок губ. Запускает руки в мои волосы и прижимается ещё ближе. Справившись на ощупь с последним форпостом, распахиваю её рубашку. Обжигающее тепло приливает к паху и распространяется по всему телу. В этой одежде слишком тесно. Вокруг лишь запах Энн. В глазах одна только её фигура. В мыслях ничего, кроме неприкрытого желания. Спешно помогаю ей стянуть остатки одежды и сбрасываю всё с себя. Глаза Энн игриво загораются. Ей

нравится наблюдать за мной. Но стоит мне откинуть в сторону трусы, как она смущённо уводит взгляд в сторону. Я прижал её своим телом к кровати и прошептал на ушко: «Ты же моя маленькая девочка?». «Я – твоя маленькая девочка», – ответила она.

Глава 4

Утренняя комната заливалась холодным солнечным светом. Белые стены, смятая белая постель, бледное белое лицо спящей Энн и белый шум моей утренней бессонницы. В другой жизни я ненавижу ранние подъёмы, в этой же я радуюсь, что вообще сплю. Сегодня удалось провести несколько часов у Морфея, но это скорее удача, чем обыденность. Зато мой будильник не разбудит Энн раньше времени. Желание оставаться в постели отсутствовало: любое моё движение могло потревожить её сон, а она выглядела такой безмятежной и… такой настоящей.

Я оделся и вышел на улицу. В паре метров от входа в гостиницу стоял Майк. Из-под чёрной шапки вылезали седые лохмы волос. Он крутил в руке любимую зажигалку и отстранённо смотрел на пустую улицу перед собой. Я подошёл к нему и достал пачку сигарет.

— Тоже не спится? – Спросил я закуривая.

— Ты мне платишь за то, чтобы не спалось, — пошутил в ответ Майк.

Мы молча пару раз затянулись, оставаясь каждый в своих мыслях.

— Знаешь, – прервал я тишину. – я сейчас ощущаю что-то, что не могу объяснить. Но мне кажется, что ты должен меня понять.

— И что же это?

— Что-то происходит не так, как должно.

— Намекаешь, что я не умею…

— Стоп, — прервал его я. – Я не об этом. Речь вообще не о тебе.

— Тогда что не так?

— Понимаешь, головой я понимаю, что всё идеально. Но всё равно что-то не так. Я не чувствую удовольствия.

— От тура? – Удивился Майк.

— Шутишь? – Я глубоко затянулся и продолжил. – Ты же знаешь, этот тур – наша давняя мечта. Ездить по всему миру, слышать повсюду своё имя, получать приглашения на радио...

— Тогда что не прыгаешь от радости? Неужто устал?

Я посмотрел на Майка и поймал его хитрый взгляд исподлобья. Он всё прекрасно понимал, но почему-то хотел, чтобы я сам всё рассказал. А может, и не хотел. Иногда он пылинки с меня сдувает, нянчится, как с младенцем. В другие дни вспоминает, что мы всё-таки два взрослых мужика, а это значит, не должны обсуждать личностные проблемы и душевные страдания. Настоящий мужик держит проблемы в себе и зарабатывает гордое звание сердечника с первым микроинфарктом в 40 лет. Но я всё же хотел, чтобы Майк меня выслушал. Он уже давно заменил мне отца, да и из каких только передряг он меня не вытаскивал. Из всей группы Майк ближе всего общается именно со мной. Наверное, поэтому больше всех огребаю от него тоже я.

— А ты? – Я перевёл вопрос обратно на Майка, который выглядел не лучше меня.

Он усмехнулся. Конечно, он никогда не признаёт своей усталости. Тем не менее возраст её выдаёт.

— Смеёшься – хороший знак. – Пробормотал я. – А если начистоту, что с тобой?

— Зачем спрашиваешь, если и так знаешь?

— Тебе нужен помощник. Мы – уже не сборище из родительского гаража. Нашу группу знают далеко за пределами родного города, а наши песни ставят на иностранных радио не реже, чем дома. "Дрозды" выросли, а с ними и объём твоей работы. И если сейчас ты ещё справляешься с ней, то что будет завтра? Через год? Пять лет? Сколько можно тащить всё на себе?

— Только так я могу быть уверенным, что всё пройдёт гладко.

— Никто из нас не становится моложе, Майк.

— Давай, скажи ещё, что забронировал мне место в доме престарелых. – Майк грустно усмехнулся, но улыбка осталась на его лице.

— В самом ужасном, что смог найти!

— Вот ты засранец!

Мы оба рассмеялись.

— Я видел тебя вчера. Ну, когда Энн тебе помогала. Может, стоит кого-то поискать, когда вернёмся?

— Что она тебе такого сделала, раз ты меня просишь забрать её домой?

— Что? – С недоумением переспросил я.

— Ты же для неё это место вымаливаешь.

— Bah, non!

Резко жар охватил мои уши. Я честно-честно раньше и не думал об этом. Разовая – или двухразовая – интрижка не повод ломать человеку жизнь, заставляя работать с Майком.

Старик замолк и с прищуром уставился на меня, после чего вынес свой приговор:

— Ты же с ней переспал!

— Это не имеет…

— Имеет!

— Ладно.

Майк хлопнул в ладоши, будто только и ждал от меня этого признания.

– Да. Мы переспали. А через несколько дней мы улетим домой и больше никогда с ней не встретимся. Глупо считать, что она думает как-то иначе.

— Ещё скажи, что она знала, на что шла, связываясь с тобой.

— Определённо.

Майк посмотрел на часы, нервно покачал головой и, затушив едва тлеющий окурок, спешно удалился. Разговор явно не был окончен, но обстоятельства заставляли перенести его в другое время и другую локацию. Я выкурил ещё одну сигарету и вернулся в номер.

Энн ещё нежилась меж белых простыней и своей счастливой безмятежностью напоминала богиню с древнегреческих фресок. Её натуральная серая красота не была какой-то невероятной, но она привязывала к себе и не позволяла отвести глаз. Она стала моей, возможно, слишком быстро. Вот почему я не чувствую удовольствия. Это как ликовать от взятия штурмом пустой, никому не нужной крепости. Для кого-то это национальный праздник, для меня же – повод для сомнений. Я не завоёвывал её, она сама ждала, когда мне сдаться. И кто кого тогда переиграл?

Я не хотел её тревожить. Ждал, когда она проснётся, прислонившись к стене напротив кровати. До её будильника оставалось немного времени, я знал это наверняка. Немного промотаем время, сверимся с часами и – три, два, один – пора. Телефон Энн неприятно завибрировал, и только секунду спустя заиграла мелодия. Энн заёрзала. Я подошёл ближе и выключил будильник за неё. Уселся рядом и провёл пальцами по её лицу, будто убирая непослушные пряди.

— Доброе утро, – сквозь дрёму пробурчала Энн.

— Утро, – ответил я.

Она улыбнулась. На щеке показалась маленькая ямочка. Какие странные ощущения. Я не хочу вспоминать о прошлой ночи, но мне нравится, что Энн рядом, что она – моя.

***

Вряд ли эту каморку можно было назвать полноценной гримёркой и уж тем более комнатой отдыха. Ничего, через пару лет Iron Blackbirds будут настолько популярны, что нам больше не придётся ютиться впятером на потрёпанном диване и скидывать в углу куртки.

За спиной хлопнула дверь. Алан зашёл узнать, всё ли у меня в порядке. По правде говоря, похоже, я изрядно испугал парней. За одно это утро я успел немного повздорить с Майком, поругаться с водителем, что нас вёз в клуб, а после и вовсе чуть не уронил один из усилителей. Назовём это расстройством эмоциональности. Так бывает. А Майк, он сам напросился. Не я начал этот разговор, не я его провоцировал. Что бы он ни говорил, он сделал это специально, я уверен. А дело было так.

Мы вышли с парнями из гостиницы и спокойно ждали машину, что должна была доставить нас на концертную площадку. Конечно же, я вышел из здания вместе с Энн, и все это заметили. Переглядывания Джейка и Криса были не менее многозначительными, чем закатывания глаз Майка. Тем не менее всё начиналось как нельзя хорошо. Несколько шуток Энн во время сборов привели меня в чувства, и я определённо ощутил себя снова в своей тарелке. Но стоило микроавтобусу подъехать, как утро перестало казаться приятным.

— Анна, ты едешь со мной, — скомандовал Майк, когда я протянул ей руку, чтобы помочь расположиться в салоне.

— Да ладно тебе, — ответил я, — со мной ей будет комфортнее.

— Я повторять не буду, — отрезал старик и вылез с переднего ряда.

Я кивнул Энн, чтобы она располагалась в салоне, а сам подошёл к нему, чтобы уладить вопрос без лишних криков.

— Зачем она тебе?

— Она мой переводчик. Я должен ввести её в курс дела.

— Я сам её введу в курс дела. Мы уже обсуждали с тобой, что она – именно переводчик, а не твой помощник. Значит, всю внутреннюю кухню ей знать необязательно.

— А ещё мы обсуждали, что вы переспали, поэтому ты не можешь относиться к ней объективно. Как профессионал.

— Погоди, ты считаешь меня непрофессионалом? Или тот факт, что мы переспали, не даёт ей права находиться рядом со мной и пары минут?

— Будь моя воля, я вообще тебя бы к ней не подпускал.

— Разве? А мне казалось обратное.

— В каком это смысле?

— Ты же специально предложил ей поехать с нами. Заметил, что я положил на неё глаз, и решил, что это твой шанс обрести надо мной контроль.

— Серьёзно? Ты на самом деле думаешь, что я устроил бы всё это, заприметив на горизонте очередную твою фанатку? Считаешь, что, добавь я в команду всего лишь одну девчонку, ты станешь управляемым?

— Конечно же, нет.

— Я не настолько наивен и глуп. Ты же понимаешь, – Майк максимально приблизился и ткнул в мою грудь пальцем. Он перешёл на едва различимый шёпот, но, при этом, сохранил угрожающий тон. – Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы так делать.

— Тогда, по-твоему, зачем она здесь? Не увиливай, ты и сам признался, что она не просто так с нами.

— Как ты сам любишь говорить, «неужели ты никогда не ошибался»?

— Только не говори, что Энн назвала тебе наши настоящие имена, а ты повёлся на это.

— Было бы всё так просто… – Майк тяжело выдохнул, явно вспоминая тот момент, когда дал слабину.

— Погоди. Я знаю это выражение лица. Она катается с нами только потому, что знает наши имена?

Менеджер не ответил, но меня было не остановить.

— Я всегда говорил, что эта часть контракта – самая глупая вещь в эпоху интернета! Каждый может узнать имя любого! И хакером не надо быть…

Майк отвесил мне хорошенький подзатыльник.

— Не выдумывай! Всё сложилось так, как должно. – Казалось, что он перешёл на кричащий шёпот. Не будь никого рядом, его голос по громкости можно было бы сравнить с гудением морского лайнера. Но в текущей ситуации он явно не желал делиться подробностями нашей перепалки с кем бы то ни было. – Но мой тебе совет: держись от Анны подальше. Сейчас и в целом.

— Вот теперь точно женюсь на ней!

— Идиот, – устало выпалил менеджер.

— Она едет со мной, – зло ответил я и смачно плюнул ему под ноги. – Не обсуждается.

— И зачем ты всё это делаешь?

— Для придания объёма своим словам.

— Точно идиот.

Старик отмахнулся от меня и сел в автомобиль, громко хлопнув дверью. На самом деле мы с Майком всегда были как кошка с собакой, поэтому я не стал бы зацикливаться на этом диалоге. Но настроение было испорчено, а это не секрет ни для кого: когда нет настроения, любая мелочь может стать новым спусковым механизмом для истерик. Только не смей называть меня истеричкой, приоритетным правом так меня называть пожизненно удостоена моя мать. Если честно, я даже немного удивлён, что Майк всего лишь пытается меня оградить от очередной юбки, но молчит о действительно важных вещах. Например, о том, что я уже три года не могу выдать хороший текст. Последний выпущенный альбом – чистая случайность в виде исписанной старой тетради, которой хватило только на одну пластинку. И это меня гнетёт куда сильнее, чем что-либо. Но те стихи, что я написал в день, когда встретил Энн, – они дали мне надежду, малюсенький лучик света, что я небезнадёжен. Что я не потерял самого себя. Что я всё ещё могу что-то выдать. Может, поэтому меня так к ней тянет? Потому что я надеюсь выдать ещё хоть что-то мизерно-стоящее, находясь с ней рядом? Тогда наши отношения уже заведомо обречены. Хотя я и не испытываю розовых иллюзий по этому поводу. Надеюсь, Энн это тоже понимает, потому что все эти сопли и слёзы, когда мы уедем, мне совсем не нужны. И пожалуйста, давай вернёмся к делу. Мы слишком отвлеклись на мои эмоции и забыли про сюжет этой истории.

Итак, мы остановились на том, что я сидел в гримёрке, а Алан пришёл проверить, всё ли у меня в порядке. Я определённо сказал, что всё идёт по плану, а он неопределённо сделал вид, что поверил мне, и вышел из комнаты. Я приблизился к зеркалу и провёл по волосам рукой. Me-e-e-erde! Я столько на них убил времени, а они опять растрепались! В такие моменты хочется всё состричь, но тогда я перестану быть тем горячим мексиканцем, за которого себя выдаю. Чёрные, как смоль, волосы, смуглая кожа, широкие скулы – чем тебе не латинос? Глаза только выдают – слишком большие и слишком светлые. Но разве для человека без капли латиноамериканской крови этого недостаточно? Не знаю, зачем начал прикидываться тем, кем не являюсь, но так я чувствую себя американцем. Скажешь, это смешно! Но вот такой вот я – смешной Фокс. Слышала бы меня маман, пришибла бы на месте сковородкой!

— Где ты пропадал? – Спросил Джейк, когда я вышел из гримёрной в коридор и наткнулся на него.

— Инвестировал в твоё будущее, – безучастно ответил я. Да, пару строчек я всё-таки начеркал, пусть они и не увидят свет, как и остальные лёгшие в последнее время на бумагу песни.

— Надеюсь, что-то стоящее написал?

— Ты знаешь, я пишу только шедевры!

— И только в стол! – Джейк одёрнул меня за рукав. – Мы там уже весь мерч подписали. Тебе тоже стоило бы...

— Где?

— Стол у входа в зал.

Я жестом показал, что понял его. Прошёл в зал, поднялся на сцену и увидел сидящих на краю Криса и Алана. Крис играл на его походной акустике какую-то до боли знакомую мелодию, а Алан набивал ритм палочками о пол. Джордан рисовал круги по танцплощадке, разговаривая по телефону. Всё было таким привычным и лёгким, будто это был самый обычный день в туре. Я молча прошёл мимо парней и уселся подписывать плакаты, банданы и другую сувенирную продукцию. Когда ставишь свою закорючку на поток, ты не задумываешься, чтобы она выглядела красиво. У тебя просто нет на это времени. Ты чиркаешь фломастером по листку и думаешь о своём. Например, о том, что на этом плакате у тебя неудачная фотография, потому что менеджер с тобой её не согласовывал. Как всегда. Или о том, что неровная стопка подписанного хлама вот-вот упадёт. Да, в какой-то момент я поймал себя и на этой мысли.

— А мне подпишешь?

Я не заметил, как подошла Энн. Она смущённо стояла в шаге от меня и не скрывала проступивший на щёчках стыдливый румянец. Теперь она выглядела моей фанаткой даже больше, чем в нашу первую встречу.

— Разве я могу тебе отказать? – Я натянуто улыбнулся и подписал очередной плакат.

— Нет, вот это.

Она положила на стол две фотографии. На первой была изображена группа в полном составе.

— Я помню этот момент. Съёмки нашего первого клипа. У Джейка ещё была эта глупая стрижка, а у Криса – тоннели в ушах. Хорошо, что он их зашил.

Славная фотография. Живая. Она навеяла приятную ностальгию по временам, когда мы только начинали наш музыкальный путь. Мы ничего не знали об этом бизнесе, но уже считали себя звёздами. Я невольно задержал взгляд на карточке, но Энн вернула меня в настоящее:

— Это для подруги. Я ей должна.

— Что же?

— Я оставила её одну, когда согласилась смотреть концерт из-за кулис.

— Она не должна на тебя злиться за то, что ты нашла своё счастье, – я поставил подпись на своём изображении и на обратной стороне добавил «Прости, что украл твою подругу». – Надеюсь, этого хватит для прощения.

— Я тоже надеюсь, – Энн сменила подписанную фотографию новой, – А вот эта уже для меня, на память.

Она подвинула ближе карточку, на которой были изображены мы с ней вдвоём. Всё в синих тонах. Энни смотрит точно в камеру, которую сама же и держит в руке. А я... Мой расслабленный и нежный взгляд обращён на неё.

— С моего телефона?

— Ты сам её мне отправил.

— Хорошая фотография, – пробормотал я, пытаясь вспомнить, когда это мы успели её сделать и уж тем более когда я её отправил Энн. – Ты поэтому покраснела?

Девушка плотно сжала губы и затеребила маленький серебряный шарик на мочке уха. Она что-то невнятно промычала, и я снова уткнулся в карточку.

— Что написать?

— Эм-м... ну, это... хм... что хочешь.

— «С наилучшими пожеланиями для Энн», как для очередной фанатки? Или «Никогда не забуду эту ночь», и все будут считать, что мы переспали? «Для самой красивой девушки», чтобы ты могла дорого продать эту бумажку моей богатой воздыхательнице? Или просто и сухо «Для Энн», чтобы продать не получилось? Что мне писать?

Она удивлённо смотрела на меня, молчала, будто разучилась разговаривать. Я настойчиво повторил свой вопрос.

— Я не знаю.

— Вот и я не знаю. Я мог бы написать об огромной любви к тебе, но, сама понимаешь, что это было бы притворным. С моей стороны было бы нечестным писать что-то особенное, будто давать ложную надежду, что мы когда-либо ещё увидимся после тура.

Она уронила глаза в пол и слегка отвернулась. Знаю я это движение. Она сейчас расплачется, а я, как всегда, виноват.

— Зачем ты так? – Едва слышно произнесла Энн.

— Как?

— Это же на память...

— Я не знаю, для кого я это пишу.

— Для меня же!

— А кто ты для меня?

Она растерялась. Я прекрасно понимал, что достаточно сказать даже какую-то глупую мелочь не в её пользу, и она вмиг зарыдает, но меня уже было не остановить.

— Кто ты мне, Энн? Я не понимаю! И ты, похоже, тоже! Чего молчишь?

На мгновение она застыла. Раскрасневшиеся щёки запылали жаром. Пара едва дающихся вздохов, и она убежала.

Что ж, молодец, сегодня я превзошёл себя. Кто следующий? Да ладно вам, подходите, не бойтесь! Я сегодня в ударе! Майк, Энн, теперь ты, Джордан? Ты тоже решил попасть под горячую руку?

— Даже не хочу ничего объяснять! – Отрезал я, когда он ко мне подошёл.

— Как скажешь.

Он спокойно сел за соседний стул и недовольно уставился на меня. Ненавижу, когда он так делает! Я опустил глаза на стол, на котором всё ещё лежала та фотография. Пришлось постараться, чтобы незаметно для Джордана убрать её в задний карман.

— Помощь нужна? – Он кивнул в сторону неподписанной стопки.

— Ещё спрашиваешь!

— Давай! Я перелистываю, ты подписываешь.

Дело пошло быстрее. Рутинные дела – лучшее средство, чтобы отвлечься, но не в этом случае. Джордан не просто так пришёл мне на помощь, как это могло показаться. Он выжидает, когда я остыну, чтобы вправить мозги. Вот подожди и увидишь!

— А знаешь... – начал Джордан, когда я расправился с плакатами и перешёл к банданам.

— Знаю. Будешь меня учить жизни?

— Нет, только как общаться с девушками, – улыбнулся он. А я же говорил, что так будет!

— Не думаю, что мне нужны твои советы.

— Даже если так...

— Я тебя не слушаю. – Отрезал я, не отрывая взгляда от ручки.

— Не слушай, а я всё равно скажу. Как-то мне Кристина открыла глаза на то, что все девушки в душе – маленькие принцессы. Все без исключения. И если им об этом напоминать, они готовы тебе простить любую ошибку.

— Твоя жена, конечно, умный человек, но вряд ли это относится ко мне и Энн.

— А нам всем показалось иначе.

— Нам, это тебе и Джейку?

— И ещё всей команде, что наблюдала за тем, как ты строишь из себя придурка.

— Вместо того чтобы заниматься делом…

— Вот кто бы говорил.

Джордан продолжал сохранять спокойную и несколько хитрую улыбку на лице.

— Вообще-то, только я сейчас и работаю, в отличие от остальных. И… Забудь.

— Нет, скажи.

— Между нами с Энн ничего нет.

— Плохая шутка.

— Мы забудем друг друга сразу, как наш самолёт оторвётся от земли.

— Разве? Как-то не похоже на тебя.

— Не говори глупости, я всегда легко расстаюсь…

— С теми, с кем спишь. А с этой девчонкой у тебя отношения.

— Ой, иди ты! Нет между нами ничего! Ты пришёл пофилософствовать? – Я стал быстрее выдавать закорючки, чтобы, наконец, отделаться от Джордана. Неужели он этого не видит?

— Фокс, – выдохнул он и положил мне на плечо свою тяжеленную руку, – повторяю, принцессой должна быть она, а не ты. И даже если, как ты говоришь, ничего нет, лучше пойди и признай себя дураком. В конце концов, это только Красноярск. Впереди четыре города, и все будут в плюсе, если вы будете хотя бы мирно сосуществовать.

— А если я не хочу «мирно сосуществовать»?

— Придётся.

«Фокс!». Майк появился на сцене в паре со звукооператором. Они вырвали меня из рук Джордана и вручили гитару – только мой звук ещё не был настроен. Не хочется этого признавать, но в тот момент я даже был рад видеть Майка. Пусть лучше он меня будет отчитывать, чем этот громила – читать нравоучения.

Позже к настройке звука подключились Крис и Алан. Мы проверили мой микрофон и все гитары, за которые я берусь во время концерта. Всё в порядке, к концерту готов. Удивительно, каким живительным может быть обычный саундчек! Мало того что Майк довольно похлопал меня по плечу и отпустил восвояси, так ещё и слова Джордана перестали казаться бессмысленными. Ладно, если уж быть откровенным, Джордан был прав. Что бы я ни думал, я повёл себя некрасиво по отношению к Энн и должен был извиниться.

Я нашёл её в одном из узких серых коридоров клуба. Она выглядела напряжённой, но не из-за меня. Майк снова сбросил на неё свои заботы и теперь требовал невозможного – чтобы она была его копией.

— Постой, – я безуспешно попытался её остановить, – надо поговорить.

— Мы уже поговорили, – сухо отрезала она и прибавила шаг.

Я опередил её и перекрыл собой путь. Её глаза раньше не казались мне такими большими. Она сжала изрядно покусанные губы и сложила на груди руки.

— Нам надо поговорить, – сделав чёткое ударение на втором слове, повторил я.

— У меня нет времени.

— Одна минута. Всего одна.

— Нет, – она попыталась обойти меня, но это лишь дало возможность обнять её и прижать к себе.

— Энн, я придурок. Я знаю это.

Она с силой оттолкнула меня.

— Я знаю, что ты придурок. А я Энн, твой переводчик. Вернее, переводчик группы. Вот кто я для тебя!

— Энн, да послушай!

Она исчезла за углом, оставив меня наедине с самим собой. Я опять это сделал – я облажался. Не то, чтоб мне было не всё равно, но... но легче жить не стало. Ладно, в другой раз мне повезёт больше.

***

До начала концерта остаются считаные минуты. Мы с Джейком распеваемся. Сегодня репертуар разминки лёг на него. Именно поэтому мы дурачимся, исполняя песни группы A-ha и Криса Айзака. В паре шагов от нас стоит Алан – его расслабляют наши распевки. Крис в стороне с закрытыми глазами проигрывает на невидимой гитаре самые сложные риффы, а за

ним уже что-то проговаривает себе под нос Джордан. Наконец, Майк выдаёт нам «мониторы» – маленькие наушники, позволяющие слышать на сцене не только музыку, но и себя, Джейку и Джордану – микрофоны. У остальных микрофоны уже закреплены на стойках на сцене. «Ну что, поехали!» – произносит менеджер, хлопает каждого из нас по плечу и командует выключать свет. Шоу начинается.

По традиции мы начинаем с песни «Black soul». Алан в темноте занимает своё место за барабанами и задаёт нам ритм. Зал взрывается рёвом и скандирует название группы. Крис пару раз ударяет по струнам и выходит на сцену, где его ловит свет прожектора. Если до этого момента было непонятно, почему мы так любим выходить на сцену в тёмных очках, так вот поэтому. Никто не хочет играть концерт вслепую, пусть и всего пару минут, пока глаза привыкают к ярким софитам. К началу куплета из-за кулис выбегает Джордан и задаёт своим низким грубым голосом тяжёлый характер композиции. Вот и остались мы с Джейком вдвоём. Он нервно кивает мне, и я отвечаю ему тем же. Не переживай, друг, всё идёт по плану! Джордан подводит к припеву. На окончаниях строчек мой голос вторит его голосу, делая его объёмным. Барабанная установка Алана превращается в пушку. Дамы и господа, время выхода Джейка и Фокса!

Нежный высокий голос Джейка придаёт контраст тяжёлому куплету, создавая непередаваемые ощущения. Я на фоне лишь добавляю массива звучанию. Толпа готова нас разорвать, а это только начало. О да, детка, сегодня будет жарко!

Когда сыгран последний аккорд, я беру микрофон и здороваюсь с публикой. Я же говорил, что на концертах последнее слово всегда за мной, равно как и первое? Так вот, это касается всего, начиная с общения с толпой и заканчивая разрешением самых сложных проблем. В последнем, кстати, я особенно хорош. В бизнесе таких, как я, называют кризисными менеджерами, и неспроста. Любой концерт, а то и весь тур, может загнуться от чего угодно. Лишь единицы умеют с этим «чем угодно» работать или хотя бы делать вид, что всё идёт по плану. Моя же задача заставить зрителя в это поверить. Забудь, что вне сцены я тот ещё интроверт, – с микрофоном в руках я заболтаю любого. Не веришь? Чаще ходи на наши концерты! А пока сиди – в смысле, стой, если у тебя билет в танцевальный партер, – и слушай. Сегодня Iron Blackbirds в ударе, а меня зовут Фокс, и я рад всех вас видеть, даже если на самом деле это не так.

Без остановки играем ещё три песни, затем перерыв на «поболтать». Не все понимают по-английски, поэтому реакция зала на мои шутки тише, чем дома. В голове зарождается мысль вытащить нашу переводчицу на сцену, но эта идея только кажется блестящей: если я это сделаю, Энн меня ещё больше возненавидит. С другой стороны, разве мне есть что терять? Ладно, это подождёт, пусть сегодня моей жертвой будет Джейк. Уж слишком он милый! Прям до тошноты милый! Хотя кого я обманываю? Это же Джейк! Он всегда такой, а я никогда не упущу шанса отпустить шутку в его адрес!

Помню, наш самый первый концерт. На самом деле это был обычный местечковый фестиваль, но для нас тогда это было настоящим публичным выступлением вне гаража родителей Криса и домашних вечеринок друзей каких-то друзей. Майк впервые договорился, что нам заплатят не едой и выпивкой, а деньгами. К тому же мы должны были играть на разогреве у достаточно известной в пригородах Лос-Анджелеса группы. Ох уж эта дрожь в коленях и мурашки, пробегающие по всему телу! Меня переполняло ощущение чего-то нового, чего-то сверхпрекрасного, что вот-вот должно было произойти. Наверное, поэтому я отсчитывал каждую минуту до выхода на сцену. А вот парни... Я собственными глазами видел, как дрожали у Алана пальцы: он мог просто поднести барабанные палочки к любой поверхности и, не двигаясь, поставить рекорд по количеству ударов в минуту! Бледно-зелёный Джордан метался из стороны в сторону, пока его не стошнило. А вот Крису, наоборот, было очень хорошо (он так и не раскрыл секрет, что же тогда за успокоительное принял). Джейка пришлось приводить в

чувства лично мне, потому что я не успел вовремя от него удрать и оказался той самой жилеткой, в которую можно разрыдаться. Если что, в те годы он был ещё более слащавым, чем сейчас, и эти слёзы (неужели я это говорю?) были ему к лицу.

Как только я ни пытался его успокоить! Помогли лишь шутки. Серьёзно, когда я начал его высмеивать, он таки смог взять в себя в руки! Впоследствии это стало нашей традицией. Но ты спросишь, почему мне удалось тогда самому сохранять спокойствие, а я отвечу: потому что молния не бьёт дважды в одно и то же место. В отличие от парней я уже имел опыт выхода к публике, и как понимаешь, он был неудачным. Я зарёкся петь, но в своих навыках игры на гитаре я был абсолютно уверен. Знаю, только что прямым текстом я объявил, что не умею держать слово перед самим собой, ведь сегодня у меня на сцене стоит собственный микрофон, и практически в каждой песне Iron Blackbirds, так или иначе, звучит мой голос. Но нет, я так и не вернулся к пению, потому что бэк-вокал и реп в счёт не идут. И вообще, в нашей группе я числюсь всего лишь гитаристом. Хотя погоди, «всего лишь»?

И всё же признаю, есть песня, в которой я пару строчек напеваю – в этой пресловутой «Faith». Кстати, тоже из-за собственной глупости. Два года назад во время записи альбома я пошутил, что нам не хватает чего-то, что бы выбивалось из общей картины. «Нужно что-то позитивное!», – сказал я. Но у нас не было позитивных текстов. Несколько студий звукозаписи отказались с нами работать, ещё одна попыталась нас обдурить. Мы были злы на всю музыкальную индустрию, начиная от самых крупных лейблов и всех, кто с ними связан, и заканчивая нами самими. С таким материалом мы пришли на запись. Оказалось, что одних обид на мир недостаточно, чтобы выпустить хороший альбом. Тогда я взял студийную акустическую гитару и стал перебирать самые простые аккорды, которые позже вылились в приятную мелодию. C-G-Am-F. Я надеялся, что слова придут сами собой, когда будет мотив, но нет, никому из нас не приходило на ум ни строчки. Наконец, я взял тетрадку, в которую записывал всё, что имело намёк на рифму. Первые же стихи в итоге сразу легли на музыку. Продюсер, не раздумывая, потребовал записать то, что у меня вышло. А вышла «Faith», одна из самых нестандартных и, при этом, популярных песен «дроздов». К чему я всё это говорю? Да просто захотелось поделиться воспоминаниям, а также дать совет начинающим авторам: не повторяйте моих ошибок и не накладывайте на весёлую музыку стихи о стремлении к смерти! Никогда! Оказывается, это совсем невесело! Это больно, поверьте! Просто боль приходит позже, когда снова и снова проживаешь все те чувства, от которых хотел избавиться, изливая душу на бумаге. И не думайте, что, записав однажды песню, ни разу потом её не исполните вживую! Исполните. По просьбе любимого человека, который найдёт в словах что-то совсем личное, или по просьбе многотысячной толпы зрителей, которой и вовсе плевать на твои истинные чувства. Ты будешь исполнять эту песню снова и снова, пока смерть не разлучит вас!

***

Мы с Крисом выкинули в толпу последние медиаторы, ещё раз помахали и зашли за кулисы. Алан, Джейк и Джордан, не дожидаясь, ушли в гримёрную. В коридоре нас встретил и сразу же обнял Майк. Его довольное лицо говорило больше любых слов. Он не смог удержаться, чтобы раздаться восторженными речами в нашу честь. Iron Blackbirds отыграли идеально. Нечего говорить, мы заслужили это чувство безграничной эйфории.

Переодевшись, мы отправились отмечать успешное выступление в один из лучших баров города. Названием служило имя одного из писателей прошлого века, что соответствовало внутреннему наполнению помещения: печатные машинки в нишах, вместо перегородок – массивные книжные шкафы, мягкие диваны и кресла, в которых хочется утонуть, барная стойка длиной в основной зал. Одно только нахождение в этом месте давало ощущение уюта, тепла и какой-то странной ностальгии по времени, в котором тебя никогда и не было. А какая здесь кухня! Нет, это не бар, это настоящее произведение искусства!

Больше всего мне было жаль Криса: сколько там было деликатесов, и все ему не по зубам! Всё дело в том, что Крис – веган в самом полном смысле этого слова. Если раньше мы ещё как-то шутили над его выбором, то теперь все вместе жалеем, потому что в каждом туре его питание становится головной болью. Чем меньше город, в котором мы останавливаемся, тем больше шансов, что парень будет обедать картошкой фри (и то не факт) и листьями салата. Как он ещё не позеленел от такого? Джейк как-то тоже пытался сидеть на веги-диете, но больше пары недель не протянул. Забавно было бы предложить эту затею Джордану, который и дня не может прожить без хорошенького стейка.

— Видели бы вы глаза Джордана, когда я присел у него за спиной! – Громко воскликнул я и встал со своего места.

— Я был уверен, что ты снова это сделаешь! – Ответил Джордан, намекая на мою излюбленную шутку со стягиванием штанов.

— Тогда я поднимаю этот... – я запнулся в попытке вспомнить, как называется этот стеклянный сосудик в моих руках, – ну как его?

— Фоксу больше не наливать! – Вклинился Крис.

— Так-так, попрошу! – Продолжил я. – Я хочу поднять эту стопку за себя!

— Кто бы сомневался... – прошептал Джейк в сторону Криса, но я всё равно это услышал. Я озарил его своим грозным взглядом, и мы оба раздались хохотом.

— Точнее, за мою благорассудительность и снисходительность по отношению к другу нашему Джордану!

— Всё, теперь точно: ему хватит, – согласился Крис, – посыпались умные слова на наши головы!

Над нашим столом пронёсся стеклянный звон. Я уселся на диван и принялся уплетать свой ростбиф. Краем глаза заметил, что Энн ничего не ест. Она сидела напротив меня и смотрела в тарелку, к которой даже не прикоснулась.

— Повара что-то напутали? – Спросил я у Энн и мокнул лепесток дайкона в трюфельную сальсу.

Она дёрнулась и с ужасом посмотрела на меня, будто мой вопрос оказался чем-то неожиданным. Я кивнул на её тарелку и повторил.

— Я... как-то и забыла, что уже принесли еду... – Энн нервно взяла вилку и принялась за свой салат.

— Всё в порядке?

— Д-да...

— У тебя это... палец в крови.

Она удивлённо посмотрела на правую руку. Я протянул ей салфетку.

— Наверное, случайно... – она прикрыла глаза, вспоминая, как правильно перевести на английский то, что заставило её пальцы кровоточить. Но разве такому учат на школьных уроках иностранных языков? На уроках испанского у нас такой лексики точно не было. – Я повредила кожу. Так бывает. Спасибо.

— Ты выглядела иначе, когда мы сюда пришли.

— Если я скажу, что всё в порядке, ты всё равно от меня не отстанешь?

— Верно мыслишь, – промямлил я через набитый мясом рот.

— Ладно. У меня проблемы.

— Их можно решить?

— Не знаю. Меня неделю не было в университете.

— За это отчисляют?

— Да, если не предоставить документов с объяснениями.

— Тогда это не проблема.

— Но у меня нет таких документов! – Чуть не плача, воскликнула Энн.

— Тише. Хочешь, я их тебе напишу?

— Это должно быть официально.

— Всё равно не вижу смысла паниковать. Документов нет, но есть Майк. Ещё пара стопок, и он согласится на что угодно. Уж поверь, я знаю, о чём говорю.

— Правда? Ты сможешь его уговорить? – В её глазах зажёгся огонёк надежды.

— Уговорить – нет. А вот напоить – как раз плюнуть.

Как говорит один народец, если проблему можно решить деньгами, то это не проблема. Я же добавил бы ещё правильно выбранный момент. Если, конечно, умеешь сам его создавать. И я действительно мог легко договориться со стариком. Просто не хотел, да и зачем? Энн – самостоятельная девушка. Она всего лишь работник, нанятый Майком. Так ведь она мне сказала? Вот пусть и забирает весь свой социальный пакет у него. Я здесь просто развлекаюсь. Хотя скажи она сегодня прямо, что она моя девушка или что-то в роде того, конечно, я бы за неё вписался. А так мне просто скучно. И выпью я с Майком только потому, что я сам так захотел! Её проблемы — не моя забота! И почему это я вообще перед тобой оправдываюсь? Мне плевать на её проблемы! П-Л-Е-В-А-Т-Ь! Как Энн плевать, откуда я знаю об этом трюке с Майком, который всегда срабатывает. И даже если она когда-нибудь спросит об этом, я ни за что не расскажу. Ей – нет, а вот тебе поведаю.

Знаешь, как снимался клип на нашу песню «I know I'm hot»? Да, это моих рук дело. А что, как автор и главный герой песни, я имел полное право снять на неё клип! К тому же я давно хотел попробовать себя в качестве режиссёра. В пьяном угаре я убедил Майка, что идея снять ролик, больше напоминающий порнографию, точно выстрелит в сети. Так и вышло. Не на целомудрии строят карьеры в музыкальном бизнесе, ой, не на нём! Кстати, на этих съёмках Крис познакомился со своей Ингрид. Самое забавное здесь то, что всех девушек в клипе она называет не иначе, чем проститутками. Но если напомнить про её личное участие в видео, она с каменным лицом заявит: «ты не понимаешь, это другое». Никогда не понимал эту её логику, но мне и не надо. Не мне же жениться на Ингрид. К слову, Крис, когда ты уже это сделаешь?

Но вернёмся в бар. Разговор с захмелевшим менеджером получился коротким. Энни не просила у него ничего, что потребовало бы его драгоценного времени или денег, а Майку просто было хорошо и не хотелось портить этот вечер отказом.

Я закрыл глаза, покачал головой, чтобы размять шею, и махом допил остатки напитка в стакане. Шоты кончились, я снова верен виски. Если я сегодня не напьюсь, как в прошлый раз, я буду хорошим человеком. Хорошим мальчиком. Как какая-то собачонка, хороший мальчик Фокс!

Энн упала в кресло напротив меня. С усталой улыбкой я посмотрел на её светящееся личико и приказал себе молчать, дабы ничего не испортить. Я должен был перевести взгляд на что-то другое, снова влиться в псевдоумную дискуссию парней (кажется, по десятому кругу пошёл спор о гитарах), продолжать делать безразличный вид. Эта девушка мне не нужна. Обманывать мозг, когда ты пьян, проще всего.

Энн беззвучно прошептала «спасибо» – я прочёл это по губам.

«Между нами ничего нет», – раз за разом я повторял про себя, но продолжал ей улыбаться. Я прощён без извинений и упрёков.

Время более не спешило. Звон бокалов, тихие разговоры за соседними столиками, взрывы смеха – за нашим, цоканье маленьких каблучков официантки, бегающей от одной компании к другой. Кажется, этот шум становится белым. Он уносит меня к тонкой бархатной неге, в которой хочется раствориться навсегда. Сегодня я хороший человек, сегодня я заслужил быть хорошим человеком.

Глава 5

Я должен был заснуть на мягком диване бара и сладко храпеть на костлявом плече сидевшего по соседству Криса, пока Майк не отдаст приказ выдвигаться в гостиницу или сразу в аэропорт. И я был бы на это согласен. Но тут всегда же должно быть «но», не так ли?

Моё «но» заключалось в том, что вместо всей этой прелестной прелести я каким-то образом оказался на улице. Видимо, холодный сибирский воздух не сразу отрезвил меня, потому что очнулся я, только когда уже шёл по каменной мостовой. По лицу отчаянно хлестал морозный ветер, а пальцы рук отказывались вылезать из тёплых карманов куртки. Гулять вдоль реки в ноябре где-то посреди Сибири, да ещё и ночью – лучшее, что могло прийти мне в голову! Это сарказм, если что.

— Смотрю, тебе уже лучше.

Я обернулся. Я был не один. Справа от меня маленькими шажками маршировала Энн. Меня забавляет то, как она ускоряет шаг, чтобы поспеть за мной, и то, как она громко при этом стучит своими микроножками по земле.

— Лучше в сравнении с чем?

— С тем, каким ты был в баре.

— Мне было прекрасно в баре.

— Разве тебе не прекрасно здесь?

— Мне холодно. И ветер дует.

— И рядом я...

Я остановился. Что она сказала? Мне не послышалось? Энн встала напротив и улыбнулась. Что здесь, чёрт возьми, происходит? Я опять что-то пропустил?

— Энн... я не понимаю, – устало выдавил из себя я, – я уже ничего не понимаю.

— Я думала, ты захочешь побыть наедине, вдвоём.

— «Вдвоём». В смысле, вместе?

— Да.

— Разве ты на меня не обижаешься? – Спросил я, заранее зная ответ.

— Обижалась. Но это не меняет того, что ты мне нравишься.

— Как интересно.

— Это всё, что ты хочешь мне сказать? – Её губы слегка сжались, изобразив горькую улыбку.

— Малыш, ты же сама всё понимаешь.

Энн тяжело вздохнула и опустила голову, слегка отвернувшись от меня.

— Хочешь это услышать? Ладно. Ты мне нравишься. Я думал, это и так понятно, учитывая, что между нами было.

Реакции не последовало. Хорошо, пойдём другим путём. Я сделал шаг к ней и провёл холодными пальцами по разгорячённой щеке. Обнял и нежно поцеловал в лоб. Она поддалась. Её тяжёлое дыхание теплом разливалось по моей шее. Она открывала рот, пытаясь что-то сказать, но не решалась и снова утыкалась в меня носом. Я вернул на место упавший с её головы капюшон и провёл рукой по волосам, делая вид, что убираю их.

— Я понимаю, что это ненадолго, – наконец, она нашла в себе силы хоть что-то произнести. – Но я хочу хотя бы попытаться использовать то время, что у нас есть.

— Так будет больнее.

— Потом. А сейчас я хочу быть счастливой.

Энн поцеловала меня, и я почувствовал, как её грусть и разочарование сменились нежностью и в то же время уверенностью.

— Спасибо за фотографию, – она подняла голову и нежно прошептала.

— За какую?

— За ту, что ты подписал. Мне никто никогда не писал ничего подобного. Глупость, но мне вообще никто стихов не писал.

— Я же не просто так пытался с тобой поговорить,– ответил я и крепче прижал Энн к себе. Вот почему она перестала на меня обижаться. Всё дело не в моей харизме, а в стихах. Вот только я не отдавал эту фотографию Энн. Я вообще никому её не отдавал. Она была надёжно убрана в песенник сразу после того, как эти строки были написаны. Значит, кто-то рылся в моих вещах.

— А если серьёзно, как эта фотография оказалась у тебя?

— Майк отдал. В баре. Ты разве не помнишь? Когда я его попросила помочь со справкой для университета.

— Так это, значит, Майк...

Я сжал губы, и перевёл взгляд вниз. Не хочу даже думать, что Майк это подстроил специально. Он может, я знаю. Хоть и говорил обратное. Но Энни выглядит такой искренней. Даже если в этом всём есть какой-то подвох, какая разница? Разве я не могу хотя бы один вечер себя любимым?

— Я что-то не то сказала?

— Нет! Нет, всё хорошо. Кроссовки только совсем промокли. Сколько мы уже так гуляем?

Она посмотрела на часы, высветившиеся на экране телефона. Самое время, чтобы вернуться и всем своим довольным видом показать, что вопросы будут излишними. Я обнял её, ещё раз поправил капюшон, и мы побрели в сторону того прекрасного места, где осталась выпивать наша компания.

Глава 6

Вам когда-нибудь доводилось не спать ровно сутки? А двое суток? Мой рекорд – четыре дня. Повторять не советую, но ощущениями поделюсь. Это было в туре по западному побережью. Концерты каждый день, после них пару часов на переезд и всё по новой. Первые две ночи это была обычная бессонница, на третий день – эксперимент, на четвёртый – настоящий экстрим. Моя кровь состояла из энергетиков, кофе и спирта. В таком состоянии даже стоять на ногах невозможно, не то что выступать. Но материал был заучен до автоматизма, требовалось только не падать со сцены. Кстати, этим и закончилось: я выдавил последний аккорд и благополучно рухнул вниз, чем немало перепугал всех присутствующих. После того концерта мне всё-таки пришлось поспать под действием чудодейственных капельниц, позволивших к новому городу выглядеть человекоподобным существом.

Грядущая ночь тоже обещала стать бессонной. Уверен, парни, как и я, ненавидели Майка за вылет в 6 утра, хотя он и сам от этого был не в восторге. Не пойму, когда он успевает спать? «Целых три часа» в воздухе оказались «всего тремя часами» сна. Ещё и эти неудобные кресла! Ни ноги не вытянуть, ни голову не пристроить! [беспросветно ворчу].

Дальше сразу на площадку, прямо с чемоданами. Не нравятся мне такие суматошные дни. Я люблю, когда так: прилетаешь ближе к обеду, спокойно заселяешься в гостинице, приводишь себя в порядок (в идеале – пенная ванна, но Майк редко балует нас такими удобствами), пару часов беззаботно дремлешь на белых простынях, а уже к вечеру идёшь наслаждаться местной кухней и выпивкой в каком-нибудь ресторанчике. Вот чем не рай? А концерт – на следующий день, и ехать после него никуда не надо. Ну вот почему нельзя так всегда? А, Майк?

Всю дорогу до клуба я проспал, пропустив потенциально прекрасные городские виды. Разбитое состояние компенсировалось лишь отсутствием похмельной головной боли и сопением Энни на моём плече. Тело потряхивало от каждого дуновения, отчего я засомневался, не заболел ли. Раскрасневшиеся глаза жгло, будто в них беспрестанно кто-то подсыпал мелкой соли, а сухое першение в горле не замолкало ни от леденцов, ни от воды. Но нет, болен я не был. Я просто устал. Так бывает.

По приезде на площадку Крис на пару с Джорданом, неведомым для остальных образом, умудрились занять собой все жилое пространство гримёрки. Они раскидали по углам вещи и завалились на потрёпанные небольшие диванчики, выгнав остальных отсыпаться в лаундж-зону.

Стоило мне растянуться на мягких подушках, как сон моментально затянул в свою пучину. Кажется, не прошло и мгновения, как резкая волна вибраций вынудила меня очнуться и к чёрту отключить этот идиотский мобильник. Какой-то бунт социальных сетей, ей-богу! По крайней мере, именно так я в тот момент и подумал. Лишь проснувшись от криков Майка и заметив растерянность на лице у Энн, я понял, что что-то снова пошло не по плану.

Не секрет, что у Iron Blackbirds есть фанатские сообщества, в которых активно обсуждается всё, что только можно найти на личных страницах участников группы. Не удивляет и то, что практически у всех моих друзей есть хотя бы один «партизан». «Партизаны» тихо сидят в подписчиках, как в засаде, ожидая того самого часа икс, когда кто-то выложит фото или видео из обычной жизни «дроздов». Сам я редко что-то выкладываю. Зато стоит мне появиться у кого-то в гостях, сразу открываются новые ветки обсуждений: с кем меня видели, какая на мне рубашка, что я сказал. Кстати, именно так Куба обзавелась кругленькой суммой… нет, не денег, а подписчиков – уж слишком часто моя физиономия появляется в её историях! А сколько слухов про нас ходит! Даже не хочу говорить об этом. И вот сегодня, похоже, появился новый повод для сплетен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.